

Анна Гаятри

ПИТЕРСКИЕ СНЫ

Анна Гаятри

**Питерские сны.
Часть первая. Абыюз**

«Издательские решения»

Гаятри А.

Питерские сны. Часть первая. Абьюз / А. Гаятри —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-557761-0

Первая часть повести посвящена переживаниям ребёнка, испытавшего насилие в своей собственной семье. Мир фантазий и грёз зачастую спасает таких детей, защищая их хрупкий внутренний мир от вторжения жёсткого мира взрослых. Вторая часть ещё ожидает публикации и повествует о выросшей Мане. Ей предстоит выбор: простить или отомстить. Умереть самой? Убить насильника? Или просто всё забыть, уничтожив стирательной резинкой памяти?.. Некоторые главы повести были опубликованы ранее в сборнике «Абьюз».

ISBN 978-5-00-557761-0

© Гаятри А.
© Издательские решения

Содержание

Когда я стану деревом	8
Зеленая стена	12
Цыпленок	15
Колокольчики	19
Листопад	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Питерские сны Часть первая. Абыюз

Анна Гаятри

© Анна Гаятри, 2022

ISBN 978-5-0055-7761-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0055-7762-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«И это снилось мне, и это снится мне,
И это мне еще когда-нибудь приснится,
И повторится все, и все довоплотится,
И вам приснится все, что видел я во сне».*

Арсений Тарковский

*Время глухими ударами
Пульс измеряет судьбе.
Бьется как птица усталая
Жилка на темной земле.*

*Детство откликнулось проседью
В темных моих волосах,
Тихой заснеженной россытью
На онемевших губах.*

*Бьется испуганной птицею,
Пульсом безмолвной земли,
Над бессловесными лицами
Маятник мертвой петли...*

Когда я стану деревом

*«Человек не может дотронуться до звезд,
если он не погружался в пучину отчаянья и
не нашел пути назад».*

Мэрилин Мюррей

Меня зовут Мария. Мама называла меня Маней. Это имя причиняет мне боль, как и вся жизнь ДО. Это теперь я могу превращаться в кого угодно. Просто идя по улице. Я вижу, как

голубь взлетает ввысь, и тут же чувствую легкую, но сильную волну воздуха, поддерживающую мои крылья. И воспринимаю мир боковым зрением, в совершенно иных цветах, которые сложно описать человеку. Мир становится объемным, искрящимся и стремительно вращающимся, словно гигантский волчок. И я ощущаю странный голод в желудке. Есть, нужно что-то есть. И мой глаз зорко всматривается в карусель веток, листьев, дорог, чтобы выхватить то мельчайшее, что можно клевать и глотать...

А потом я возвращаюсь в себя, чтобы вновь скользнуть в иное тело, в иное сознание. Иногда мне нравится быть собой и смотреть на мир своими глазами. До тех пор, пока я не проваливаюсь в детство, и меня не пронзает боль.

Тогда я снова становлюсь пятилетним беспомощным ребенком, плетясь за вечно спешащей мамой, держась мизинчиком за ее мизинец, в вечном страхе, что пальцы расцепятся, и она умчится, исчезнет, растает среди шумной полноводной реки людей. Такая редкость и такое счастье – быть этим неуклюжим слоненком, что хоботом ухватился за мамин хвостик. Но вот на пути – детский сад или больница, что-то из этих вечных перемен. И отцепиться приходится. И агрессивный мир обрушивается на меня. А мама уходит, убегает, всегда второпях, и радуясь, что исчезла помеха в ее бурной головокругительной жизни.

Иду по улице. В ярком плаще. Под светлым весенним дождем. И прикасаюсь взглядом к старой водосточной трубе, из которой ливневыми струями течет, а точнее – извергается струя воды, словно из пасти чудовища. И я становлюсь водой, мягкой, сияющей, в мелких солнечных брызгах. Я подставляю руки под желоб водосточной трубы, и вода обрушивается в мои ладони ледящим потоком. И вдруг я падаю в собственное тело, и водоворотом меня уносит в ту крошечную комнату, где я нахожусь вдвоем с высоким человеком, который держит в руках карандаш и блокнот и что-то рисует в нем. Не что-то, кого-то. Меня. То и дело он взглядывает на меня. А я сижу, съезжаясь от холода, ведь он снял с меня всю одежду. Так всегда бывает, когда мамы нет дома. Он раздевает меня, как куклу, и усаживает на диван. И я должна сидеть смиренно.

А потом, отложив свой рисунок, он садится рядом со мной. И его длинные пальцы начинают щекотать меня, и я невольно смеюсь. А он начинает хихикать и прижимается ко мне красными мокрыми губами. А затем расстегивает штаны... И тут – я отделяюсь от собственного тела. Мне шесть лет. Мой взгляд скользит за окно, там растет единственное дерево в нашем дворе. И я становлюсь деревом, и ощущаю толстую морщинистую кору на своем маленьком теле. Я больше не чувствую отвратительных поцелуев, от которых меня тошнит. Я больше ничего не чувствую. Только холодный чистый воздух. Только покой и тишину.

Это был мой отец. Мой отец. Когда я уже выросла и смогла рассказать обо всем маме, она усмехнулась: «Ничего удивительного. Ты была красивой девочкой. Он был в тебя влюблен. И к тому же, он художник. Они все такие».

И я перестала хотеть быть красивой. Я перестала хотеть быть собой. И моя душа продолжила свои странствия, в которые она отправилась уже в детстве.

Я иду по улице. Красные и желтые вывески мечутся от бешеных порывов ветра. Мир полон оглушительных звуков – гудки машин, голоса людей, крики птиц. А я хочу тишины. Тишины и покоя. Ноги ведут меня сами. Они идут по знакомой дороге и приводят меня в маленький двор, где растет единственное дерево. Сильное, с могучими ветвями, устремленными в бездонное небо. Я подхожу к нему и прижимаюсь к мокрой морщинистой коре, сливаясь с ним всем своим существом. И моя душа вдруг принимает странное решение – стать деревом насовсем, навсегда. И больше не возвращаться. Я погружаюсь в безмолвие. Все стихло. Я чувствую толстую кору на своем беспомощном теле. Я начинаю изо всех сил тянуться к свету, солнцу, счастью.

Но я вдруг слышу далекий и приближающийся звон топора.

*Запрокинув лицо,
Ты смотрела сквозь слезы
На звезды.
Серебристым лучом
Тебя нежно
Коснулась луна.*

*Сквозь тебя,
Сквозь печаль
Проносились
Весенние грозы,
Омывая дождями
Видения страшного сна...*

*Ты смотрела сквозь сны,
Затаившись на дне
Нерожденья,
Обернувшись назад,
Как Орфей
На пороге зимы.*

*Ты просила,
Ты жаждала
Только мгновенья
Забвенья,
Но сквозь слезы свои
Ты увидела
Отсвет Весны...*

Зеленая стена

Маня пришла из школы с очередными замечаниями в дневнике. «Девочка опять рисовала на парте», «Девочка была невнимательна», «Маша была опять не готова к уроку». И еще одно: «Девочка на уроке витала в облаках». Она не боялась этих красных записей, – никто не читал их, никто ее не ругал. Она была счастлива, когда вышла из школьных дверей на тихую улицу, и мир орущих, бегающих, дерущихся детей остался позади. Она была счастлива, когда шла домой, – конечно, по волшебной дороге, в сопровождении невидимого доброго сказочного дедушки, который любил ее и оберегал.

Дома, в крошечной комнатке коммуналки, на диване спал отец, а на полу, возле свесившейся его руки, стояла почти пустая бутылка водки. Мама была на работе, и придет не скоро, когда на улице будет совсем темно и яркой белизной на фоне черного неба высветится крест окна.

Бросив портфель, Маня вышла на кухню. Там все было в дыму, а соседка орудовала кастрюлями и сковородками возле плиты. Какой-то незнакомый мужчина сидел возле стола, на котором стояли тарелки и бутылки. Он бросил тяжелый взгляд на Маню, и она потихоньку отступила за порог. Снова зашла в комнату. Отец храпел, и тонкая струйка слюны стекала в уголке рта. Вдруг, словно почуяв Манин взгляд, он встрепенулся, вытаращил на нее свои красные глаза. Она замерла, застыла, боясь вздохнуть. Но он только перевернулся, застонал, и впал в забытье.

Она тихонько скользнула за дверь, побродила по темному узкому коридору. Подошла к двери туалета, включила свет и юркнула внутрь. Быстро закрыла щеколду. Тишина. И огромная светло-зеленая стена перед ней. Маня коснулась ее руками, – стена была прохладной и влажной. Девочка улыбнулась. Ей представилось, что она оказалась в сказочной стране. Водя пальцами по стене, она ощутила множество клавиш на ней, нажимая на которые можно было извлечь прекрасные звуки. И Маня начала играть. Быстро-быстро перебегая пальчиками по клавишам, она слышала величественную мелодию, которая уносила ее в совершенный мир, где всегда было тепло и солнечно, где все любили ее, и она любила всех, где жили добрые говорящие звери и милые волшебные существа. Пальцы легко перемещались вдоль холодной стены, и торжественные звуки наполняли сердце радостью и покоем. Мане казалось, что она летит, и она даже тихонько запела, но тут в ее музыку ворвался грохот и грубые крики. Она испугалась и не сразу сообразила, что происходит. В дверь стучали, ручку дергали, все ходило ходуном. Трясущимися руками отодвинула она щеколду.

И тут ее резко выдернули из волшебной страны, схватив за плечо и вышвырнув в коридор. Отец дал ей затрещину, что-то проорал ей и скрылся за дверью. Девочка тенью проскользнула по коридору и вышла из квартиры в парадную, а затем на улицу, где уже темнело и загорались огни в окнах. Люди сновали вокруг, болтали, смеялись, бежали по своим делам. Маня нашла свое привычное место, где она всегда ждала маму. Мама придет, накормит ее и уложит спать. Ничего не спросит, ничего не расскажет. Она будет, как всегда, ругаться с папой. А потом выпьет с ним вместе и начнет хохотать неизвестно отчего. А потом они или уйдут к соседям, или вообще куда-то далеко-далеко, где Маня еще не была. У них столько своих дел! А Мане будет приказано спать. Она будет тихо лежать в кроватке, пытаясь не думать об ужасных клопах, которые будут ее кусать, и от которых потом будут чесаться ноги. Стараясь не думать о темноте, которая окружает ее со всех сторон и в которой прячутся чудовища.

Маня стояла на улице. Ее фигурка съежилась под желтыми лучами фонарей. Она настроила свой слух на мамины шаги, которые она узнает из тысячи шагов других прохожих. Все ее существо застыло в ожидании. А мыслями она перенеслась в волшебную страну. В следующий раз, может быть, завтра, она обязательно снова спрячется в туалете. Она возьмет туда свои разноцветные мелки, которыми весной она часто рисует на асфальте. И она сделает такой чудесный подарок – и своей маме, и соседям! Как они удивятся, как ахнут от восхищения, когда увидят прекрасную картину на светло-зеленой стене, – картину, которую она, Маня, сотворила для них! Она вложит в эту картину все свое сердце! И все изменится. Все изменится... Ее сердце гулко застучало. Шаги. Знакомые шаги.

– Маня, ну чего стоишь? Идем.

*Я устала. И я потерялась
В одиночестве лунных полей.
Мне бы нежности – самую малость!
Мне бы – солнечных теплых лучей!*

*Я иду по тропе незримой
Сквозь бессонницу сон-травы.
И сплетаются паутиной
Мир умерших и мир живых.*

Я несу в двух руках уставших

*Боль и радость, мечту и быль.
Сколько их – на пути упавших —
Обратилось в седую пыль!*

*Помолюсь. И вздохну неслышно.
Вздох мой – птица в руках судьбы.
И услышит мой вздох Всевышний
В небесах – как слеза, голубых!*

*Я иду по тропе незримой.
И туманом плывет рассвет.
Под колючей травой озимой
Распускается Первоцвет...*

Цыпленок

Маня вприпрыжку бежала по улице вслед за мамой. Ей было пять лет. Начиналась весна, солнце было веселым и скользило яркими лучами по тонким льдинкам на лужах. Маня наступала на такую льдинку, – хруп-хруп, – и она покрывалась сетью мелких трещин, а ботинок погружался в синюю воду. Маня начинала тогда скакать по всем льдинкам, в восторге притопывая ногами и извлекая белые фонтанчики сверкающих льдинок из каждой замерзшей лужицы. Она смеялась и светилась от радости, пока мама откуда-то издалека не окликнула ее, и она опрометью мчалась за ней. Нужно было спешить.

Они шли в гости. Какое счастье – идти в гости таким прекрасным весенним днем! Но мама немного волновалась. Там, куда они шли, был ребенок. И мама хотела купить подарок.

Оставив Маню постоять на улице, она заскочила в магазин, и быстро вышла оттуда с небольшой коробочкой. И они побежали на трамвай.

Оплатив проезд, они уселись на деревянных скамейках друг напротив друга. Маня села у окошка и приготовилась смотреть на сверкающий снаружи мир. Но тут мама открыла коробочку и достала оттуда игрушку. Это был ярко-желтый пушистый цыпленок на тонких пластмассовых ножках. Из коробки мама извлекла еще какую-то бумажку и ключик, но тут же положила обратно. Маня робко протянула руку, чтобы дотронуться до пушистого меха. И мама разрешила ей подержать цыпленка. Подержать до тех пор, пока они едут.

Маня, затаив дыхание, осторожно держала крошечное существо в своих ладонях. Она гордилась тем, что мама доверила ей такую хрупкую вещь. Сердце ее учащенно забилось, щеки покраснели, и она все смотрела и смотрела на желтый комочек. А тот уставился на нее своими черными глазками, и словно говорил: «Я такой маленький, такой беззащитный. Защити меня, Маня. Люби меня. Оберегай меня»...

Девочка чувствовала тепло, идущее от цыпленка, и на какой-то миг ей показалось, что он шевелится и дышит. Да, отзывалось сердце Мани, я буду любить и оберегать тебя! Ладоням было приятно и тепло от пушистого меха. За окном начали загораться огни, день угасал. Вокруг двигались и шумели люди, но Маня ничего не замечала. Она смотрела и смотрела на своего цыпленка, замирая от любви и нежности. Ничего больше не существовало вокруг. Только теплые ладони, а в ладонях – счастье. Счастье, в котором соединилось все: уютный свет лампы перед сном, когда глаза смыкаются в приятной дремоте, и ты улетаешь в неведомые дали; бабушкина колыбельная, весенний солнечный ветер, морщинистая рука дедушки, когда он гладит Маню по голове, мамин голос, высокое синее небо и беззаботное пение птиц. Девочка едва дышала, растворившись в чувстве покоя и безмятежности, а ее руки бережно держали цыпленка.

Мерное постукивание трамвая прекратилось, и мама сказала: «Выходим. Давай игрушку!». Маня в недоумении смотрела на нее, не понимая слов. «Ты что, уснула? Ладно, неси пока. Пошли!». И мама схватила ее за плечо и потащила к выходу. Маня прижала цыпленка к груди и, спотыкаясь, побрела за мамой. Лужи подмерзли, стало скользко, и она боялась упасть, все сильнее прижимая меховой комочек к себе. Но вот и подъезд.

«Давай!» – мама протянула руку. Маня отступила.

«Ты что? Давай цыпленка, быстро!». Она разжала Манины пальцы, вынула игрушку и сунула ее в коробку. «Ну, еще поплачь! Жадина! Иди давай!» Она втолкнула ее в подъезд, и они стали подниматься по лестнице. Слезы душили Маню, но она глотала их. Из носа потекли сопли, и она утерла их рукавом. Маня хотела сделать это незаметно, но мама все-таки увидела и усмехнулась. «Жадина, еще и плакса. Попробуй только пореви там!».

Она позвонила в дверь, за которой слышались крики и смех. «Улыбнись», – прошипела мама. Дверь распахнулась, и Маню ослепил яркий свет. Там шло веселье, бегала стайка детей, взрослые радостно окружили маму. Потом подбежала незнакомая девочка, и мама сунула ей в руки коробку. А потом Маню привели в детскую, где играли и смеялись дети. Незнакомая девочка открыла коробочку и извлекла из нее цыпленка. «Ой, тут еще ключик!» – радостно закричала девочка. Она тут же стала засовывать этот ключ в цыпленка, и провернула его там несколько раз. И тут игрушка вдруг ожила. Цыпленок запрыгал по полу и словно клевал что-то. Маня невольно улыбнулась. А девочка захлопала в ладоши. «Он живой, живой!». Она все заводила его и заводила. А потом вдруг что-то треснуло, одна лапка у цыпленка отвалилась, и он упал. Маня закричала от страха. Она оттолкнула девочку и схватила желтый комочек. Девочка тоже закричала и налетела на Маню. «Отдай, отдай, он мой!» – вопила она. Маня заревела во весь голос и еще сильнее прижала к себе сломанную игрушку. Девочка вцепилась ей в волосы. А она просто стояла и редела.

Тут прибежали взрослые. А мама выдернула у нее из рук цыпленка и отдала его девочке. А потом шепнула ей в ухо: «Мне стыдно, что ты моя дочь».

Взрослые ушли, и никто из них не видел, как девочка, ехидно улыбаясь, сломала цыпленку вторую лапку, а потом долго возилась с ним, пытаясь завести его ключом и заставить прыгать без лапок.

На обратном пути мама не разговаривала с Маней, только строго смотрела на нее. Потом не выдержала и сказала: «Дома я с тобой поговорю. Жадина». Мане было все равно. Ей казалось, что в сердце у нее дыра, и в ней завывает черный ветер.

Дома мама долго кричала на Маню. А на следующий день исчезли все ее игрушки. Но ей было все равно. Больше она не замечала этой весной ни радостных солнечных лучей, ни хрупких льдинок под ногами. Она покорно ходила в детский сад. Ела, когда ее кормили. Спала, когда ей говорили спать.

«Ну и бука же ты!» – сказала как-то мама.

Но Мане было все равно.

*Я цветок, что вырос в снегу,
Пробиваясь сквозь синий лед.
Слишком долго я видел мглу,
Слишком низок был неба свод.*

*Я не знал, что такое свет,
Что бывает тепло и тишь,
Что бывает лучом согрет
Даже дикий в степи камыш.*

*Я тянулся, я рос, я жил,
Под кинжалами бурь и выюг.
Я расцвёл из последних сил,
И увидел вдруг Солнца круг!*

*Я цветок, что вырос в саду,
Где высокий небесный свод,
И в горячечном сонном бреду
Резал вены мне синий лед...*

Колокольчики

*«Колокольчики мои, цветики степные,
Что глядите на меня, темно-голубые?
И о чем звените вы в день веселый мая
Средь некошенной травы головой качая?»
Алексей Толстой*

Иногда мама рисовала. Это случалось редко, и Маня любила наблюдать за ней из своего уголка. Сначала был белоснежно чистый лист бумаги, а потом он заполнялся цветными пят-

нами, и вот Маня уже различала очертания вазы, а в ней один за другим распускались нежные цветы на тонких зеленых стеблях. Маня жадно следила глазами за движениями кисти, и ей казалось, что это рисует она. У самой Мани были только цветные карандаши, которые вечно ломались. Она любила держать в руках эти разноцветные палочки, любила водить ими по бумаге. Но получались какие-то каракули. Вот если бы попробовать красками! Но мама красок ей не давала. «Научись сначала рисовать, – говорила она. – Для этого и карандашей достаточно».

Однажды мама вышла из комнаты, и Маня, охваченная внезапным порывом, подошла к ее картине, взяла кисточку, обмакнула в краску и стала завороченно водить ею по бумаге. Она рисовала цветы. Вернее, дорисовывала то, что мама уже успела изобразить. Она макала кисточку то в синюю, то в красную, то в желтую краски, и с наслаждением наблюдала, как яркие огромные цветы расцветают на фоне ясного неба. Маня чувствовала себя волшебницей, а из-под ее руки рождался новый чудесный мир. Она и не заметила, как вернулась мама.

Мама ахнула, закричала на Маню, выдернула у нее из рук кисточку. «Никогда!! Не смей! Трогать мои краски! И рисовать на моих картинах! Ты все, все испортила!» В гневе она разорвала картину, а когда Маня, заплакав, хотела обнять маму и попросить у нее прощения, оттолкнула девочку. «Уйди! Не трогай меня! Не хочу с тобой разговаривать! Взяла и все испортила! Научись сначала рисовать, художник!». Маня тихонько ушла в свой уголок, достала листок бумаги и принялась чертить на нем что-то своими карандашами.

А на следующий день, когда Маня была в детском саду, случилось чудо. Она нашла на полу листочек, на котором простыми цветными карандашами были нарисованы ослепительно-красивые цветы. Колокольчики. У Мани захватило дыхание. Она смотрела на светло- и темно-голубые головки цветов, и ей казалось, что они легонько покачиваются под порывами ветра, и тихо-тихо звенят. И тут ее озарило. Она возьмет этот листок, спрячет, и принесет домой. И покажет маме. И скажет, что это она, Маня, так нарисовала! И тогда мама, конечно, даст ей краски, и разрешит водить кисточкой по бумаге, и Маня снова создаст свой удивительный мир!

Так она и сделала. Сложила листочек вчетверо, положила в кармашек, и вечером с гордостью раскрыла его перед мамой. «Смотри! Это я, я нарисовала! Тебе нравится?» – и девочка с надеждой и ликованием заглянула маме в глаза.

Мама с недоумением разглядывала рисунок. «Где ты это взяла? Что ты плетешь небылицы? Так я и поверила, что это ты», – фыркнула она насмешливо. «Это я! Сегодня, в детском саду! Тебе нравится?». Мама строго поджала губы: «Хорошо. Предположим, что я поверила. Если это и правда ты нарисовала, значит, сможешь и повторить. Бери свои карандаши, садись и рисуй. И чтобы было точь-в-точь. Точь-в-точь, как здесь. А не сможешь, тебе хуже. Терпеть не могу вранья!»

Сжавшись, Маня прошла в свой уголок. Она очень устала сегодня, ей хотелось просто поиграть. Но она послушно села за стол, взяла карандаши и стала очень-очень стараться. Терпеливо перерисовывала она выющиеся линии цветов, пытаясь наполнить их цветом и жизнью, чтобы также зазвенели они на ветру. Время тянулось очень медленно. Маня слышала, как тикают часы. В глазах все туманилось, рука с карандашом двигалась как во сне, и сердце сжималось от страха. Она очень старалась, но колокольчики выходили кривыми, и цвет у них был не ярким, а тусклым. Штрихи выходили грубыми и упрямо вылезали за контур. Маня терла и терла листочек резинкой, пока бумага не сморщивалась, и от резинки оставались грязные пятна. Маня трудилась, боясь остановиться, и терпеливо слюнявила кончики карандашей, чтобы сделать цвет поярче. Во рту оставался странный горько-кислый привкус грифеля. А потом снова вступала в работу резинка. И вот, когда на мятом листочке уже начала просвечивать дыра, мама неожиданно оказалась рядом и резко выдернула рисунок у нее из-под руки.

– Художник! – насмешливо произнесла мама. – Выпороть бы тебя за вранье! Но уже поздно. Соседи спят. Марш в постель! И чтоб я тебя не видела и не слышала! Лгунья.

Мама скомкала оба рисунка и отправила в мусорное ведро. А Маня быстро разделась и юркнула под одеяло. Она пыталась не заплакать, но слезы упрямо ползли по щекам. Мама выключила свет, и на стене заплясали страшные тени. Маня тихонько натянула одеяло на голову. Наступила полная тишина, только громко со скрипом тикали часы. Слезы текли и текли, и Маня чувствовала себя очень плохой, дурной, ей хотелось просить прощения, обнять маму, поцеловать ее, и увидеть, что она простила ее и снова любит. Но мама спала, и нельзя было ее будить. Завтра, завтра Маня будет просить прощения, и обнимать, и целовать ее. Завтра, завтра...

Всхлипнув, Маня уткнулась носом в мокрый угол подушки и уснула. Она шла по полю из голубых колокольчиков. Цветы сияли под лучами солнца и мягкой волной покачивались на ветру, и нежно-нежно звенели. И тут появилась мама. Она шла сердитая и строгая, и била ремнем по колокольчикам. Цветы осыпались, нежный перезвон их затихал, сменяясь протяжным гулом. «Нет! – горестно закричала Маня. – Мама, не бей! Я больше не буду!». Но мама не слышала ее. Она шла, твердо поджав губы, и все хлестала и хлестала ремнем. И вскоре только стебельки качались на ветру. Солнце погасло. И Маня погрузилась в темноту.

*Тихий свет золотых фонарей.
Спящий город уснул в колыбели.
Это отзвук печали моей,
Это звуки печальной свирели.*

*Я танцую в вечерней тиши,
Одинокая комната тает,
И из детской певучей души
Льется песня далекого рая...*

Листопад

«Началось все с листа, трепещущего на ветру».
(Дж.-Р. Толкин)

*«Каждый лист дерева становится страницей
священного писания, если однажды
душа научилась читать...»*

(Неизвестный автор)

*«Господи, может быть, и я, сама того не ведая,
попирала ногами Твои всеблагие дары,
может быть, и моя душа была заражена
спесью, и только Твое милосердие не дало
мне пасть ниже, но поддержало меня!»*

(Г. – Х. Андерсен)

Как хорошо было в тот морозный осенний день! Воспитательница шла по улице, а за ней, словно воздушные разноцветные шарики, крутились и подпрыгивали от нетерпения дети. Среди них была и Маня.

Мимо спешили куда-то люди, и одна девушка задержала свой взгляд на Мане, улыбнулась ей и побежала дальше.

И вот, наконец, Парк! И аллея с высокими столетними кленами. Дети разбрелись по аллее, а Маня, застыв на месте, смотрела на небо. С неба падали листья. Они медленно кружились, словно легкие перышки, и тихо опускались на землю.

– Это заколдованные птицы, – шептала Маня. – Раньше они были дикими голубями, – объяснила она подошедшему мальчику. – Они были дикими и свободными. Я знаю, потому что я была их Королевой!

– И у тебя была корона? – простодушно спросил мальчик.

– Да. Маленькая золотая корона. И мы жили в лесу, но летали, где хотели. И однажды... – вокруг Мани стояло уже несколько детей. – Однажды злой волшебник поймал нас сетью. И всех голубей превратил в листья. И теперь они могут летать только, когда падают с дерева...

– А ты?

– А меня он превратил в девочку, ведь я была королевой! Но мне больше нравилось быть диким голубем... И летать.

Маня склонилась к черной влажной земле и подняла один лист – ярко-желтый, с красными прожилками. Поднесла к губам и поцеловала его.

– Я тебя помню, – прошептала Маня. – Ты был таким красивым!

– Они все красивые, – замороженно вздохнул мальчик. – Хочешь, мы соберем еще листьев и принесем тебе?

– Да, – важно кивнула Маня. – И получится стая. Стая прекрасных диких голубей. И я возьму их с собой домой, и им будет хорошо. Только выбирайте самые красивые, ладно?

И дети снова разбрелись по аллее. То и дело подходили они к Мане и показывали ей найденные сокровища.

– Красивый? Красивый? – спрашивали они, и Маня, с королевским величием, кивала в ответ или отказывалась взять лист.

В руках у нее был уже осенний разноцветный веер, а лицо сияло. Какая красота!

К Мане подошла девочка, которая издали наблюдала за детьми. Она улыбнулась и попросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.